

Редьярд Киплинг

Центурион

Редьярд Киплинг

Старая Англия (сборник)

*Часть сборника
Старая Англия (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Центурион

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647710

Аннотация

«У Дена вышли неприятности из-за латыни, и его оставили в классной; вот поэтому-то Уна и ушла одна в Дальний лес. Сделанная Хобденом катапульта Дена хранилась в дупле огромного бука на западной опушке леса. В честь книги «Песни древнего Рима» дети называли это дерево «Волатерре», по имени твердыни, о которой говорилось в стихотворениях о Риме...»

Редьярд Киплинг

Центурион

* * *

У Дена вышли неприятности из-за латыни, и его оставили в классной; вот поэтому-то Уна и ушла одна в Дальний лес. Сделанная Хобденом катапульта Дена хранилась в дупле огромного бука на западной опушке леса. В честь книги «Песни древнего Рима» дети называли это дерево «Волатерре», по имени твердыни, о которой говорилось в стихотворениях о Риме.

Когда же Хобден наложил валежника между большими корнями бука, Ден и Уна дали старику прозвище «Руки Исполина». Это название было из той же книги.

Уна проскользнула в устроенную детьми лазейку в изгороди, поднялась на склон холма, села и нахмурила брови. Холм Пека находился ниже ее; все изгибы ручья, который, выйдя из леса Виллингфорд, вился между полями хмеля, виднелись ясно, как на плане. Юго-западный ветер (в этом месте всегда бывал ветер) несся со стороны обнаженной каменной гряды, на которой стояла ветряная мельница.

А, пролетая через лес, ветер всегда шепчет, что должно случиться нечто необыкновенное; именно поэтому в ветре-

ный день каждый способен остановиться на склоне высокого холма и приняться выкрикивать отрывки римских песен, которые так под стать шепоту ветра.

Уна вынула из тайника катапульту Дена и приготовилась встретить армию царя Порсены, крадущуюся через побелевшие осины подле ручья. По долине пронесся порыв ветра. Уна прочла четверостишие, говорившее, что все долины опустошены, что храбрые стражи убиты.

Но ветер не достиг леса; он повернул в сторону и закрутил одинокий дуб на лугу фермера Глизона. Там он притих, улегся в траве, помахивая вершинами былинки, как кошка кончиком своего хвоста перед прыжком.

– Теперь добро пожаловать, Секст, – пропела Уна, заряжая свою метательную машину. – Сюда, сюда, здесь дорога в Рим!

Она выстрелила в место затишья, чтобы разбудить притаившийся ветер, и вдруг услышала раздавшийся из-за терновника на лугу стон.

– Батюшки! – громко сказала Уна (она заимствовала это выражение у Дена). – Кажется, я угодила в корову Глизона.

– Ты маленький звереныш! – раздался голос. – Я научу тебя бить твоих господ.

Уна осторожно посмотрела вниз и увидела молодого человека в бронзовой броне, горевшей посреди кустов. Больше всего Уну восхитил его большой бронзовый шлем с красным, развевавшимся по ветру, лошадиным хвостом. Она

слышала, как длинные волосы скребли по блестящим наплечникам.

– Что хотел сказать фавн, – вполголоса произнес молодой человек, – уверяя меня, что раскрашенный народ изменился? – Он заметил белокурую головку Уны. – Видела ли ты раскрашенного стрелка? – спросил он.

– Нет-нет, – ответила Уна. – Но, если вы видели пулю...

– Видел ли? – крикнул он. – Она пролетела на волосок от моего уха.

– Стреляла я, и мне очень жаль...

– А разве фавн не сказал тебе, что я приду? – с улыбкой спросил ее человек в блестящей броне.

– Вероятно, фавном вы называете Пека? – ответила Уна. – Нет, он мне ничего не говорил. Я приняла вас за корову. Я... я... не знала, что вы... А кто вы такой?

Он откровенно засмеялся, показав ряд великолепных зубов. У него было смуглое лицо, темные глаза и брови, которые соединялись над большим носом, образуя одну черную полосу.

– Меня зовут Парнезий. Я был центурионом седьмой когорты тридцатого легиона *Ulpia Victris*. Значит, именно ты метнула в меня свинцовый шарик?

– Я. Это катапульта Дена, – ответила Уна.

– Катапульта? – сказал он. – Я знаю кое-что о метательных машинах. Покажи мне.

Он перескочил через изгородь, и его копье, щит и броня

зазвенели; с быстротой тени поднялся воин на откос холма.

– Прибор в виде вилкообразной палки, понимаю, – произнес он и потянул резинку. – Но от какого животного взяла ты эту изумительную, растягивающуюся кожу?

– Это гуттаперча – резина. Вы помещаете пулю вот сюда, в петлю, потом сильно дергаете.

Он дернул и ушиб себе ноготь большого пальца.

– Каждому свое оружие, – серьезно произнес центурион, отдавая пращу Уне. – Я лучше действую более крупными машинами, маленькая девица. Но это красивая игрушка. Волк посмеялся бы над ней. А ты не боишься волков?

– Здесь нет волков, – ответила Уна.

– Никогда не верь этому. Волк, как крылатая шапка, является, когда его не ждешь. Здесь не охотятся на волков?

– Мы не охотимся, – ответила Уна, вспоминая слова взрослых. – Мы разводим фазанов. Вы знаете их?

– Должен знать, – сказал молодой человек с новой улыбкой и засвистел, подражая крику петуха фазана с таким совершенством, что ему из лесу ответила птица.

– Какой крупный, пестрый, клохчущий дурак – фазан, – сказал центурион. – Вроде некоторых римлян.

– Да ведь вы сами римлянин, правда? – спросила Уна.

– И да и нет. Я один из тех немногих тысяч воинов, которые видали Рим только на картинах. Многие поколения моих предков жили в Вектисе. Вектис? Знаешь, тот остров на востоке, который в ясную погоду можно разглядеть.

– Вероятно, остров Уайт? Он виднеется перед дождем, и его можно разглядеть с этого места.

– Вероятно. Наша вилла стоит на южном берегу острова, около острых утесов. Большая ее часть выстроена триста лет тому назад; коровий же хлев, в котором жил наш первый предок, кажется, еще старше на сотню лет. Да, конечно, так; ведь основатель нашего рода получил свою землю от Агриколы во время утверждения в этой стране. Это неплохой участок. Весной фиалки покрывают его до самого берега. Много раз для себя я собирал морские травы, а для матери – фиалки, и мне помогала наша старая няня.

– А ваша няня была тоже... тоже римлянка?

– Нет, нумидийка. Да будут боги благосклонны к ней. Милое, толстое коричневое существо с языком, звучавшим, как коровий колокольчик. Она была свободная. Кстати, ты свободна?

– О, вполне, – ответила Уна, – по крайней мере, до чая; летом наша гувернантка не очень сердится, даже когда мы опаздываем к чаю.

Молодой человек опять засмеялся, засмеялся с видом понимания.

– Вижу, вижу, – сказал он, – что вы живете в лесу. Мы прятались между утесами.

– Значит, у вас тоже была гувернантка?

– А то как же? Да еще гречанка. Она так смешно подхватывала свое платье, когда отыскивала нас между кустами

дрока, что мы невольно смеялись. Потом она кричала, что попросит нас высечь, но никогда не просила, благослови ее боги. Несмотря на всю свою ученость, Аглая была славная девушка.

– Чему же вы учились, когда... когда были маленькие?

– Древней истории, арифметике, изучали классиков и так далее, – ответил он. – Мы с сестрой были тупы, но мои два брата (я средний) любили эти предметы, и, понятно, наша мать знала больше всех нас. Она была ростом почти с меня и походила на новую статую на западной дороге, на Деметру с корзинами, знаешь? И удивительно, как матушка умела нас смешить!

– Чем это?

– Шуточками и поговорками, которые бывают во всякой семье. Разве ты не знаешь?

– Я знаю, что у нас есть, но не знала этого про другие семьи, – ответила Уна. – Пожалуйста, расскажите мне все о вашей семье.

– Все хорошие семьи похожи одна на другую. По вечерам матушка сидела и прядла; Аглая читала в своем углу, отец составлял и сводил счета; мы четверо возились в коридорах. Когда мы начинали шуметь слишком громко, отец кричал: «Потише, потише! Разве вы никогда не слышали о власти отца над своими детьми? Он может убить их, мои дорогие, убить, и боги одобряют его поступок». Тогда матушка поднимала свою милую головку и отвечала: «Гм, сдастся мне, что

в тебе мало черт римского отца». Отец же свертывал свитки со счетами и произносил: «А вот я покажу», – и потом... потом делался хуже всех нас, детей.

– Ну, это умеют все отцы, – блестя глазами, сказала Уна.

– Разве я не говорил, что все хорошие семьи очень похожи?

– А что вы делали летом? – спросила Уна. – Играли в окрестностях, как мы?

– Да, и навещали наших друзей. На Вектисе нет волков. У нас было много друзей и лошадей сколько угодно.

– Как хорошо! – сказала Уна. – Надеюсь, так продолжалось всегда?

– Не вполне, маленькая девица. Когда мне минуло лет шестнадцать или семнадцать, у отца сделалась подагра, и мы поехали на воды.

– На какие воды?

– Акве Сулис. Все ездят туда. Ты должна попросить твоего отца отвезти тебя туда.

– Где же это? Я не знаю, – заметила Уна.

С мгновение молодой центурион смотрел на нее изумленными глазами.

– Акве Сулис, – повторил он. – Там лучшие в Британии бани, говорят, они не хуже римских. Старые обжоры сидят там в горячей воде, сплетничают и толкуют о политике. Генералы важно расхаживают по улицам, а за ними двигаются их приближенные; являются туда и судьи в своих носилках, и

тоже со свитою. В Акве Сулис можно встретить предсказателей, ювелиров, купцов, философов, продавцов перьев, ультраримских британцев и ультрабританских римлян, мирных представителей диких племен, притворяющихся цивилизованными еврейских проповедников и... о, всех интересных людей. Мы, молодежь, конечно, не занимались политикой. Мы не страдали подагрой и в Акве Сулис было много наших ровесников, так что мы не скучали.

Мы, ни о чем не думая, развлекались и веселились; между тем моя сестра познакомилась с сыном одного западного судьи и через год стала его женой. Мой младший брат, всегда очень интересовавшийся растениями и корнями, встретился с главным доктором легиона из города легионов и решил сделаться военным медиком. Я считаю, что это занятие не годится для благородно рожденного человека, но... я не мой брат. Он отправился изучать медицину в Рим и теперь первый медик египетского легиона, кажется, в Антиное; я уже довольно долго не имел от него известий.

Мой старший брат столкнулся с греческим «философом» и сказал нашему отцу, что ему хочется быть землевладельцем и поселиться на ферме вместе со своим философом.

– Видишь ли, – сказал молодой центурион, и его глаза заискрились, – у философа моего брата были длинные прелестные волосы.

– А я думала, что все философы лысые, – заметила Уна.

– Нет. «Она» была очень хороша собой; я не осуждаю его.

Напротив, решение моего старшего брата мне понравилось, потому что сам я стремился поступить в армию. Я вечно опасался, что мне придется остаться дома и заботиться о нашем имении, а что мой брат возьмет себе вот «это», – центурион поколотил пальцами по своему большому блестящему щиту.

– Таким образом, все мы были довольны, я говорю о нас, молодежи, и спокойно поехали обратно в Клаузентум. Когда мы вернулись домой, Аглая, наша гувернантка, сразу увидела, что с нами произошло. Я помню, как она стояла в дверях, держа факел над своей головой, пока мы поднимались по тропинке между утесами. «Ай-ай, – сказала она. – Дети вы простились со мной, возвращаетесь же – взрослыми». – Сказав это, она поцеловала нашу матушку, матушка заплакала. Таким образом, пребывание на водах определило судьбу каждого из нас, маленькая девушка.

Центурион поднялся на ноги и, опираясь на свой щит, прислушался.

– Кажется, идет Ден, мой брат, – сказала Уна.

– Да, и с ним фавн, – ответил молодой человек, когда Ден и Пек выбрались из чаши ветвей.

– Мы пришли бы раньше, – громко произнес Пек, – но красоты твоего родного языка, Парнезий, связали этого юного гражданина.

Парнезий продолжал смотреть изумленным взглядом, даже когда Уна объяснила ему:

– Ден неправильно написал слово «dominus», а когда мисс

Блек заметила ему, что он ошибается, он стал ее уверять, что ему казалось, будто она говорит об игре в домино. Вот ему и пришлось дважды переписать упражнения. Понимаете, в наказание.

Ден задыхался, ему было жарко.

– Я почти всю дорогу бежал, – отдуваясь, прошептал он, – потом встретил Пека. Как вы поживаете, сэр?

– Хорошо, – ответил Парнезий. – Смотри, я постарался согнуть луку Улисса, но... – он показал мальчику свой большой палец.

– Мне очень жаль. Вероятно, вы слишком рано отпустили резину, – заметил Ден. – А знаете, Пек уверял меня, что вы рассказываете Уне какую-то интересную историю.

– Продолжай, о Парнезий, – произнес Пек, усевшись на сухой ветке старого бука. – Я буду твоим хором. Очень он удивил тебя, Уна?

– Ни чуточки, я только не знаю, где Ак... какой «Ак» и что-то еще.

– А! Акве Сулис? Это воды, где делают чудные булочки. Пусть же герой сам расскажет свою историю.

Парнезий притворился, будто он сейчас бросит копьё в ногу Пека, но тот наклонился, схватил лошадиный хвост, прикрепленный к шлему центуриона, и стащил с головы Парнезия эту блестящую каску.

– Благодарю, шутник, – произнес воин, покачивая своей темной курчавой головой. – Так мне прохладнее. Теперь по-

весь его.

– Я рассказывал твоей сестре, как поступил в армию, – обратился Парнезий к Дену.

– Вам пришлось держать экзамен? – живо спросил его Ден.

– Нет. Я просто пошел к отцу и сказал, что мне хочется поступить в дакийскую конницу; я видел дакийских кавалеристов в Акве Сулис, но отец посоветовал мне начать службу в регулярном римском легионе. Надо сказать, что я, как и многие из наших молодых людей, недолюбливал все римское. Рожденные в Риме офицеры и чиновники гражданской службы смотрели на нас, уроженцев Британии, как на низшую расу, как на варваров. Я это сказал отцу.

– Знаю, что ты говоришь правду, – ответил он, – только помни, что в конце концов мы – люди старинного рода и обязаны служить империи.

– Которой? – спросил я. – Еще до моего рождения мы раскололи нашего орла.

– Что это за воровские речи? – заметил отец. Он ненавидел условный школьный язык.

– Я хотел сказать, господин мой, – продолжал я, – что у нас один император в Риме и уж не знаю, сколько императоров в отдаленных провинциях. За которым должен я идти?

– За Грацианом, – ответил отец. – Он, по крайней мере, человек отважный и благородный.

– Да, да, – проговорил я, – но он превратил себя в скифа,

поедающего сырое бычье мясо.

– Где ты это слышал? – спросил меня отец.

– На водах, – произнес я.

Действительно, это была правда. Наш драгоценный император Грациан окружил себя скифскими телохранителями, одетыми в звериные шкуры, и до того восхищался ими, что стал носить их одежду. Подумайте, это в Риме-то! Также плохо было бы, если бы мой собственный отец раскрасил себя синей краской.

– Что за важность – платье, – заметил отец, – платье еще не велика беда. Все это началось раньше вашего времени и раньше моего. Рим забыл своих богов и должен понести наказание. Великая война с раскрашенным народом началась в год уничтожения храмов наших богов. Мы победили раскрашенный народ в тот год, когда храмы были снова возведены. Вернемся еще дальше назад...

Тут он вспомнил время Диоклетиана, и если верить ему, следовало бы думать, что сам вечный Рим был на краю разрушения только потому, что некоторые люди приобрели широкие взгляды.

Я ничего об этом не знал. Аглая не учила нас истории нашей страны. Ее ум занимали только древние греки.

– У Рима нет надежды, – в заключение произнес отец. – Он позабыл своих богов; но если боги простят нас, живущих здесь, мы, может быть, спасем Британию. С этой целью мы должны сдерживать раскрашенный народ. Вот потому-то я,

как отец, говорю тебе, Парнезий, что раз твое сердце склоняется к военной службе – твое место с мужчинами на стене, а не с женщинами в городах.

– На какой стене? – в один голос спросили Ден и Уна.

– Отец говорил о стене, которую мы называем стеной Адриана. Позже я расскажу вам о ней. В очень отдаленные времена она была выстроена поперек северной Британии, чтобы удерживать раскрашенный народ... который вы называете племенем пиктов. Отец принимал участие в великой пиктской войне, в борьбе, продолжавшейся более двадцати лет, и знал, что значит биться.

Один из наших великих полководцев, Феодосий, преследовал этих мелких зверенышей далеко на севере; это было еще до моего рождения; на Вектисе мы, понятно, не думали о них. Но, когда мой отец высказал все, о чем я передал вам, я поцеловал его руку и приготовился последовать его приказаниям. Мы, римляне, рожденные в Британии, умели почитать наших родителей.

– Если бы я поцеловал папе руку, он рассмеялся бы, – сказал Ден.

– Обычаи меняются; однако, если человек не повинуется своему отцу, боги помнят его проступок. Можешь быть вполне уверен в этом.

После нашего разговора, видя, что мои намерения серьезные, отец послал меня в Клаузентум, где я мог изучить обязанности пехотинца в бараче, полном чужестранцев. Это бы-

ла немытая, небритая чернь, скопище варваров. Для того чтобы составить из них что-либо вроде стройных рядов, их приходилось бить палкой в грудь, а щитом в лицо. Когда я научился своему делу, инструктор дал мне горсть (что за горсть это была!) галлов и иберийцев, поручив мне отполировать этих неучей в такой мере, чтобы их можно было отослать на север. Я старался изо всех сил; раз ночью загорелась пригородная вилла, и раньше, чем явились другие войска, мои люди уже работали. Я заметил стоявшего на дороге и опиравшегося на палку человека со спокойным лицом. Он наблюдал, как мы передавали из рук в руки ведра, полные воды, зачерпнутой из пруда, и, наконец, спросил меня: «Кто ты?»

– Подготавливающийся, ожидаю назначения, – ответил я, не зная, кто говорит со мной.

– Уроженец Британии? – продолжал он расспрашивать.

– Да, если вы уроженец Испании, – ответил я (и точно, говоря, он ржал, как иберийский мул).

– А как тебя зовут дома? – со смехом спросил незнакомец.

– Зависит от обстоятельств, – ответил я. – Иногда одним именем, иногда – другим. Но в данную минуту я занят.

До тех пор пока мы не спасли фамильных богов (это было порядочное семейство), он больше не сказал ни слова, но наконец проворчал:

– Слушай, юноша то с одним, то с другим именем. В будущем называйся центурионом седьмой когорты тридцатого

легиона *Ulpia Victris*. Это поможет мне запомнить тебя. Твой отец и еще другие люди называют меня Максимом.

Он бросил мне отполированную палку, на которую опирался, и ушел. Я до того был поражен, что едва не свалился на землю.

– Кто же это был? – спросил Ден.

– Кто? Сам Максим, наш великий полководец, главный генерал Британии, который во время пиктской войны служил правой рукой Феодосия.¹ Он не только сразу дал мне жезл центуриона, но и подвинул на три ступени. Нововступивший, обыкновенно, начинает в десятой когорте своего легиона и постепенно подвигается вперед.

– Вы были довольны? – спросила Уна.

– Очень, и решил, что Максим выбрал меня за мою внушительную наружность и за прекрасную маршировку, но когда я вернулся домой, отец сказал мне, что во время войны с пиктами он служил под командой Максима и просил его обласкать меня.

– Ты был тогда мальчик, – заметил Пек.

– Да, – согласился Парнезий. – Но не ропщи на меня за это, фавн. Боги знают, что позже я отказался от игр.

Пек кивнул головой и положил свой коричневый подбородок на коричневую ладонь, и его большие глаза стали непо-

¹ Полководец Феодосий, восстановивший в Британии римское господство; его сын, император Феодосий Великий (Максим), самовольно провозгласил себя императором Британии и Галлии. – Примеч. пер.

движны.

– Вечером перед моим отъездом из дому мы принесли жертву предкам – это было простое, обычное домашнее жертвоприношение, но никогда в жизни я так жарко не молился добрым теням; потом мы с отцом на лодке отправились в Регнум и через меловые залежи на восток в Андериду, вот там.

– Регнум? Андериды? – Дети посмотрели на Пека.

– Чичестер – Регнум, – сказал он, указывая в сторону Вишневого холма; потом через плечо указал на юг и прибавил: – Певнсей – Андериды.

– Опять Певнсей, – сказал Ден, – то место, к которому пристал Виланд?

– Виланд и некоторые другие, – сказал Пек. – Певнсей не молод, даже в сравнении со мной.

– Тридцатый легион летом квартировал в Андериде, моя же собственная когорта, седьмая, располагалась севернее, на стене. Максим инспектировал наши вспомогательные силы в Андериде и не расставался с нами; он был очень дружен с моим отцом. Я пробыл там всего десять дней; после этого мне приказали с тридцатью воинами отправиться к моей когорте. – Он весело засмеялся. – Человек никогда не забывает первого перехода с отрядом. Когда я провел мою горсть людей через северные ворота лагеря, я чувствовал себя счастливее любого императора; мы салютовали страже и алтарю победы.

– Как? Каким образом? – в один голос спросили Ден и Уна.

Парнезий улыбнулся, выпрямился во весь рост, и его кольчуга так и засверкала на солнце.

– Вот так, – сказал он и медленно выполнил прекрасные движения римского салюта, который заканчивается глухим звоном щита, возвращающегося на свое место между плечами.

– О, – сказал Пек, – об этом стоит подумать!

– Мы отправились в полном вооружении, – снова опускаюсь на землю, сказал Парнезий, – но едва дошли до большого леса, мои люди остановились, желая дождаться выючных лошадей, чтобы повесить на них свои щиты. «Нет, – сказал я, – в Андериде можете одеваться в женское платье, но, пока вы со мной, вы должны нести на себе ваше оружие и доспехи».

– Но так жарко, – сказал один из них, – а с нами нет доктора. Что, если кого-нибудь поразит солнечный удар или у кого-либо начнется приступ лихорадки?

– Пусть тот и умрет, – ответил я, – и избавит от себя Рим. Поднимите щиты, поднимите копья, подтяните щитки на ногах.

– Не воображай себя уже императором Британии! – крикнул один малый. Я сбил его с ног тупым концом моего копья и объяснил этим рожденным в Риме римлянам, что, если повторится что-нибудь подобное, мы оставим на дороге одного человека. Клянусь светом солнца, я исполнил бы свою

угрозу. Мои необученные галлы в Клаузентуме никогда не говорили со мной таким образом.

В эту минуту из еловой чащи спокойно, как облако, выехал Максим, а за ним показался мой отец; оба остановились поперек дороги. На Максиме был пурпур, точно он уже сделался императором.

Мои воины пали ниц, как... как куропатки.

Некоторое время он не произносил ни слова, только смотрел на них хмурыми глазами; потом согнул крючком палец; они отошли, вернее, отползли в сторону.

– Станьте на солнце, дети, – сказал Максим; они выстрелились на дороге.

– Что сделал бы ты, если бы меня здесь не было? – спросил он меня.

– Я убил бы непослушного человека, – был мой ответ.

– Так убей же его теперь, – сказал Максим. – Он не шевельнет ни рукой, ни ногой.

– Нет, – ответил я. – Ты принял команду над моими людьми. Если бы я убил его теперь, я сделался бы только твоим мясником. Понимаешь ты, что хотел я сказать? – спросил Парнезий, обращаясь к Дену.

– Да, – сказал Ден. – Это было бы дурно.

– Именно так я и думал, – произнес Парнезий. – Но Максим нахмурил брови. «Ты никогда не станешь императором, даже и генералом не будешь», – заметил он.

Я молчал; мой же отец, казалось, был доволен.

– Я здесь, чтобы в последний раз взглянуть на тебя, – сказал он мне.

– Ну, теперь ты его видел, – проговорил Максим, – твой сын никогда больше не понадобится мне. Он будет жить и умрет офицером легиона, а мог бы сделаться префектом одной из моих провинций. Теперь поешь и выпей с нами, – прибавил он, обращаясь ко мне. – Твои воины подождут.

Мои жалкие тридцать солдат стояли, точно винные мехи, блестящие на солнце; Максим провел нас к тому месту, где его люди приготовили для нас закуску, и сам смешал вино с водой.

– Через год, – сказал он, – ты вспомнишь, что ужинал вместе с императором Британии и Галлии.

– Да, – произнес мой отец, – ты в состоянии управлять двумя мулами, Британией и Галлией.

– А через пять лет вспомнишь, – продолжал Максим, передавая мне кубок с напитком, – что ты пил с императором Рима.

– Нет, – сказал мой отец, – тремя мулами ты править не в силах: они разорвут тебя на части.

– И ты будешь хныкать на своей стене, потому что твое понятие о справедливости было тебе дороже милости императора Рима.

Я ничего не говорил. Нельзя отвечать военачальнику, носящему пурпур.

– Я на тебя не сержусь, – продолжал Максим, – я слишком

многим обязан твоему отцу.

– Ты мне ничем не обязан, – ответил мой отец, – я только давал тебе советы, которые ты никогда не принимал.

– Слишком обязан твоему отцу и потому не буду несправедлив к кому-либо из его семьи. Поистине, скажу, из тебя мог бы выйти хороший трибун, но я считаю, что тебе суждено жить и умереть среди зарослей вереска на стене.

– Очень возможно, – заметил мой отец. – Однако очень скоро пикты и их союзники прорвутся за стену. Ты не можешь увести из Британии все войска, чтобы они помогли тебе стать императором, и воображать, будто север останется спокоен.

– Я следую велениям моей судьбы, – сказал Максим.

– Ну и следуй, – произнес мой отец, вырывая из земли корень елочки, – и умри, как Феодосий.

– А, – произнес Максим, – мой старый генерал погиб, потому что слишком хорошо служил империи. Может быть, меня тоже убьют, но совсем не из-за этого, – и он улыбнулся бледной, холодной улыбкой, от которой у меня кровь застыла в жилах.

– В таком случае, мне лучше следовать велениям моей судьбы, – ответил я, – и отвести моих людей к стене.

Максим посмотрел на меня и наклонил голову скольльзящим движением, как испанец.

– Следуй судьбе, мальчик, – сказал он.

На этом разговор закончился. Я был рад уйти, хотя мне

хотелось дать отцу много поручений к нашим домашним. Я вернулся к моим воинам и нашел их там, где оставил; они даже не пошевелили ногами в пыли. Мы ушли; мне все вспоминалась ужасная улыбка Максима, от которой по моей спине бежал холод, точно от восточного ветра. До заката я не делал привала, – центурион повернулся и взглянул на Холм Пека, – наконец, остановился вон там. – Он указал на обрывистый, покрытый папоротником склон холма около кузницы, за домом старого Хобдена.

– Вон там? Это старая кузница, в ней когда-то ковали железо, – проговорил Ден.

– Вот именно, – спокойно произнес Парнезий. – В кузнице мы поправили три наплечника и приковали один наконечник копья. Одноглазый кузнец из Карфагена арендовал эту кузницу у правительства. Помню, мы называли его Циклопом. Он еще продал мне коврик из бобрового меха для комнаты моей сестры.

– Но это не могло быть здесь, – настаивал Ден.

– Повторяю – было. От алтаря славы в Андериде до первой кузницы в лесу двенадцать миль семьсот шагов. Все это записано в дорожной книге. Поверь, человек не забывает своего первого перехода с отрядом. Мне кажется, я могу обозначить тебе все наши остановки между этим местом и... – он наклонился вперед. Как раз в это самое мгновение луч заходящего солнца ударил прямо ему в глаза. Солнце дошло до вершины Вишневого холма, и его свет лился между ство-

лами деревьев, так что в гуще далекого леса можно было видеть красные, золотые оттенки и глубокую черную тень. Парнезий в своей броне блестел, точно пылая огнем.

– Подождите, – сказал он, подняв руку, и свет солнца заиграл на его стеклянном браслете. – Подождите, я молюсь Митре.

Он поднялся на ноги и, протянув свои руки к западу, стал произносить красиво звучащие слова.

Скоро запел и Пек, его голос походил на печальный звон колоколов. Не прерывая песни, он соскользнул с ветки большого дерева и знаком позвал за собой детей. Они повиновались; им чудилось, будто эти магические голоса подталкивали их. Залитые золотисто-коричневым светом, который играл на листьях буков, они медленно двигались; Пек, шагавший между ними, пел песню с латинскими словами.

Вот они подошли к маленькой закрытой калитке в ограде леса.

Не прерывая пения, Пек взял Дена за руку и повернул его: мальчик очутился лицом к лицу с Уной, выходящей из калитки в плетеном тыне. Калитка закрылась за нею, в ту же самую минуту Пек бросил на головы детей усыпляющие пахучие листья дуба, тиса и терновника.

– Как ты поздно, – сказала Уна. – Разве ты не мог прийти раньше?

– Я давно ушел, – ответил Ден. – Давно, но... но не знал, что уже так поздно. Где же ты была?

– На большом холме, на большом дереве и ждала тебя.

– Прости меня, – извинился Ден, – но виновата эта ужасная латынь.